

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 108

С.П.ПОЛЯКОВ, В.И.БУШКОВ

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ
РЕГИОНЕ**

**Москва
1997**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 108

С.П.ПОЛЯКОВ, В.И.БУШКОВ

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ
РЕГИОНЕ**

**Москва
1997**

ISBN 5-201-13711-3(8)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 108.

Издание осуществляется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 97.01-16226.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова
Д.А.Функ

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться
по адресу:

117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail ANTHPUB@IEA.MSK.SU
fax: (7-095) 938-06-00

С.П. ПОЛЯКОВ, В.И. БУШКОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Об авторах

Поляков Сергей Петрович - доктор исторических наук; специальность - историк-этнограф. В 1955 г. окончил кафедру этнографии Московского государственного университета. С момента окончания и по настоящее время работает на кафедре этнологии МГУ, профессор. Круг интересов - средневековая археология, этнография Средней Азии. Основные направления исследований - этническая история, исламоведение, социальные структуры, методология и методика обработки исторического материала. Экспедиционные работы проводил в Средней Азии, Северном Кавказе, Мордовии, Карелии, Центральной России - всего 44 полевых сезона. В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1993 г. - докторскую. Автор пяти книг, около 100 публикаций, в т.ч. на иностранных языках.

Бушков Валентин Иванович - кандидат исторических наук; специальность - историк-этнограф. В 1971 г. окончил кафедру этнографии Московского государственного университета. Работал в системе Главного архивного управления при СМ СССР, Совмине СССР. С 1990 г. ст. научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Основные направления исследований - этническая история и история культуры народов Средней Азии (таджики, узбеки, киргизы, арабы). С 1968 г. по 1995 г. провел в экспедициях 24 полевых сезона. Автор более 60 публикаций, в т.ч. пяти книг. Имеет работы на английском, немецком, французском, голландском, монгольском, таджикском языках.

S.P.POLJAKOV, V.I.BUSHKOV

The social-economic situation in the North-Caucasian Region

About the authors

Poliakov, Sergei Petrovich - Doctor of Historical Sciences (History and Ethnography). In 1955 graduated from the Moscow State University (Chair of Ethnography). Since that time Professor Poliakov works at the Chair of Ethnography of the Moscow State University. Academic interests: medieval archaeology, ethnography of the Central Asia. Research themes: ethnic history, Islamic studies, social structures, methodology of processing the historical materials. Fieldwork experience: Central Asia, North Caucasus, Mordovia, Karelia, Central Russia - a total of 44 fieldworking seasons. In 1966 defended his PhD thesis and in 1993 received his Doctor of Historical Sciences degree. His is the author of 5 books and approximately 100 publications, including those in foreign languages.

Bushkov, Valentin Ivanovich - PhD (History and Ethnography). In 1971 graduated from the Moscow State University (Chair of Ethnography). Worked in the structure of the Main Archival Department within the Council of Ministers of the USSR and in the staff of the Council of Ministers. Since 1990 worked as a researcher in the Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Major academic themes: ethnic history and the history of culture of the Central Asian peoples (Tadjiks, Uzbeks, Kyrgyz, Arabs). From 1968 to 1995 had 24 fieldworking seasons. He is the author of more than 60 publications, including 5 books. Published works in English, German, French, Dutch, Mongolian and Tadjik languages.

RESUME

The report is dedicated to ethno-social situation in the North-Caucasian economic region. The authors analyse the established system of administrative-territorial and ethnic-territorial formations (units) and their connections with general ethnic situation in the North Caucasus.

They ground the method of analysis of the situation established in the region. This method is to be examined on four levels: global, one, in the limits of the former USSR, all-Russian and regional ones. It is shown that the contemporary administrative borders, placing the different parts of the region in different economic conditions, disturbed the established economic relations, that caused as a result considerable distinctions in the levels of their economic development. The authors pay special attention to analysis of rural economy in administrative units including traditional one. They came to the conclusion that today some of them are not able to provide themselves by food-stuffs. This is a powerful factor of social tensivity in the North Caucasus.

The role - economic and social ones - of some kind of population's activities, such as, for example, seasonal works, which have a vital importance for considerable groups of native population is examined in the report. The special attention is given to the "oil" problem - that is to oil output in Chechnya and its Processing on Grosnyi oil refinery.

The general characteristics of ethnic administrative units' social and economic level are given and some possible measures for their stable and conflict's development are offered.

Традиционно в понятие "Северо-Кавказский экономический район"

включаются Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский

края, Адыгейская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Ингушская, Чеченская и Дагестанская республики. В целом этот регион не имеет ни естественных географических, ни этнических границ. Его выделение в самостоятельную политико-экономическую единицу в рамках СССР, а в последствии и сохранение в рамках Российской Федерации определено развитием политической ситуации на юге России начиная с XVIII века.

Экономически вышеперечисленные административные образования между собой по существу не связаны. Этническая ситуация чрезвычайно пестра и осложнена неравноправным положением народов Северного Кавказа по отношению к центральным, в прошлом к союзным, а ныне к федеральным властям. Из 33 достаточно многочисленных для Северного Кавказа народов, собственную государственность имеют только восемь: адыгейцы, карачаевцы, черкесы, кабардинцы, балкарцы, ингуши, чеченцы, осетины и несуществующий этнос - дагестанцы. В наши дни, в результате развала СССР ситуация еще больше обострилась. Появились новые диаспоры - украинская, татарская, туркменская. Рост "национального самосознания" немцев, греков и других народов, почувствовавших неуверенность в национальной политике федеральных властей, добавляет сложности на уровне местных органов власти. Борьба за представительство в местных властных структурах - республиканских, краевых, районных, поселковых - обостряет и внутринациональные противоречия за счет роста местнических и "клановых" притязаний на власть. Дальнейшее "огосударствление" территорий по национальному признаку в еще большей

мере обострит общую ситуацию в регионе.

Понять причины сложившегося на сегодня положения в Северо-Кавказском экономическом районе можно только рассматривая ситуацию на разных уровнях - от глобального до местного, республиканского. Кратко на теоретическом уровне их можно охарактеризовать так.

1-й уровень. Глобальная проблема - противостояние в масштабах планеты двух систем, условно называемых "Север" и "Юг". Часть исследователей называют это противостоянием цивилизаций, имея в виду исламский "Юг" и христианский "Север". Некоторые считают, что друг другу противостоят формационные структуры - капиталистические страны против феодальных государств. Представляется, что любая дефиниция в этом плане не будет отражать в нужной мере существа явления и лучше ограничиться реальным описанием "дуги напряженности" и ее визави. В данном случае под термином "дуга напряженности" понимается часть государств, расположенных в условной зоне, ограниченной на западе Гибралтаром, а на востоке - Пакистаном. Северная граница "Дуги" проходит по южным окраинам России, а южная - по северной части Африки, переходит на Азиатский материк, захватывает Переднюю Азию, Иран, Афганистан и Пакистан. Полагаем, что такое пространственное выделение "дуги напряженности" неполно и по существу не отражает реальной ситуации.

Нестабильная ситуация охватывает значительно более широкую часть Земли. Сюда (в "дугу напряженности") следует включить почти всю Африку, часть Мезоамерики и северные районы Южноамериканского материка, большинство стран

Юго-Восточной Азии и часть Европы - бывшую Югославию и территорию бывшего СССР. Все эти страны объединяет присущая им общинно-деспотическая формация, выросшая из азиатского способа производства. Главное в этой системе - мелкотоварное сельскохозяйственное производство на небольших земельных наделах, отсутствие национальной современной производящей индустрии. Основное место в жизнеобеспечении населения стран, входящих в систему "дуги", занимает добыча и вывоз полезных ископаемых, т.е. высшая форма присваивающего, а не производящего хозяйства.

Общая характеристика социально-экономических структур "Севера" определяется одним, как представляется, главным условием - поздней формой цивилизации и благоприятными географическими условиями. Только на сравнительно небольшой территории Европы - древней Греции и очень локального неолитического земледельческого очага в Триполье (Румыния, Молдавия, часть юга Украины) известно древнее земледелие. Европейская цивилизация затратила значительно меньше сил для своего становления и развития, нежели азиатско-африканская (Египет). Азиатские цивилизации были постоянными донорами древней Европы. Величие Греции и Рима были бы невозможны без Двуречья и Египта.

Пути "Севера" и "Юга" разошлись уже в период античности. С этого времени, несмотря на пятисотлетний предфеодальный период "застоя", "Север" или европейская цивилизация определила свое лидерство и сохраняет его по сей день.

Громадное значение для "Севера" имело открытие Колумбом

Америки. Этот материк избавил Европу от многих потрясений, последствия которых могли быть катастрофическими. Прежде всего Америка избавила Европу от проблемы перенаселения. Все избыточное европейское население переселялось в Америку, а после открытия Австралии и на зеленый континент. Эти новые земли давали практически всем переселенцам одинаковые возможности обустройства жизни по новым экономическим моделям без груза традиций.

По иному проходило становление "Юга". Здесь зарождалось человечество как биологический вид. Цивилизация "Юга" на много столетий древнее "северного" варианта. На протяжении тысячелетий одомашнивались растения, животные. Приобретались навыки добычи и выплавки металла, изобретались гончарство, мотыжное и плужное земледелие.

В отличие от "Севера", "Юг" разделил свое хозяйство на две равнозначные, но не равновеликие по площади системы добывания жизненных благ - орошаемое земледелие и подвижное степное скотоводство. Эти-то системы и определили все, в том числе и современные различия между "Севером" и "Югом". На "Юге" все было антиподом "Северу".

Орошаемое земледелие явилось основой цивилизации в Азии, в Африке и на Американском континенте. За четыре тысячи лет оно принципиальных изменений не претерпело. Поэтому здесь затраты труда на получение единицы продукции (например, 1 центнера пшеницы) в орошаемом земледелии были и остаются в шесть (!) раз больше, чем в европейском ("северном") типе земледелия. Что же касается современной капил-

лярной технологии орошения (например, Саудовская Аравия), то это и изобретение и изготовление “Севера”. Ни одно из государств “Юга” по большому счету себя удовольствием, без вмешательства “Севера”, не обеспечивает. Особенно тревожно положение в таких странах как Афганистан, Таджикистан и Алжир, где сегодняшняя ситуация обострена до предела. Государственная собственность в общинно-деспотических обществах выражается в виде права главы государства распоряжаться всем имуществом. Личная или частная собственность граждан (жителей) от произвола правителя не защищена. Это главное отличие общинно-деспотической системы (далее ОДС) от той же капиталистической.

“Кувейтизация” как конечная и желанная цель в экономике государств с ОДС остается главенствующей. У большинства политиков понимание этого процесса как развития высшей формы *присваивающего* хозяйства и последнего этапа кризисной ситуации, отсутствует. Причины социальной напряженности и экстремальные формы ее проявления в конфликтных ситуациях видятся только в политических играх соседей или великих держав. Это, в первую очередь, ситуация в Алжире, где традиционалисты (их называют фундаменталистами) ведут войну против “нехороших европейцев”, в Сомали, противостояние между Индией и Пакистаном в Кашмире, в Югославии, Таджикистане.

Большинство наиболее экстремистски выраженных конфликтов происходит на территории традиционного распространения ислама, что дает возможность многим исследователям и почти всем политикам говорить о влиянии пресловутого “исламского” фактора. Ислам же прежде всего форма соци-

альной организации общества, а уже только потом религия. В общемировой системе противостояния “Север” - “Юг” он выполняет роль индикатора неблагополучия, а не причины конфликта. Символика принимается за существо явления. Именно в наиболее экономически и социально неблагополучных странах возникает угроза “исламского фундаментализма”.

2-й уровень. Российская историческая действительность создает второй уровень глобальных проблем, обусловленный географическим положением страны. Российская Федерация в составе СССР занимала ведущее положение и определяла общесоюзную ситуацию. Сам же Союз представлял собой контактную, наибольшую по протяженности, зону между “Севером” и “Югом”. Здесь можно наблюдать все ступени перехода от ОДС к машинной современной индустрии и в промышленности и в сельском хозяйстве. Граница между двумя системами не представляет четкой территории и “северные” и “южные” структуры могут располагаться вперемежку. Столь же неоднородна по своим характеристикам и территория Российской Федерации. Если центральные (включая и Урал) и часть южных областей следует в большей мере отнести к “переходным”, то южные и большинство восточных республик и областей характеризуются как выразители ОДС. Северо-Кавказский экономический район располагается как раз на стыке двух последних социально-экономических макро-зон.

Российская Федерация, чей вклад в экономику СССР был не только самым большим, но и решающим, понесла наибольшие потери. Не только разовое отторжение основных фондов российской экономики, но и разрыв экономиче-

ских связей, разрушили полуазиатскую и полувосточную экономику. Значение России и русских вместе с русскоязычной частью населения новых государств, особенно остро почувствовали Средняя Азия и Кавказ.

На этом же уровне резко обострились противоречия межнациональные и межрелигиозные. В идеологическом плане к антисоциализму в качестве его “национальной” формы добавляется русофобия как синоним отношения к советскому строю. Русские везде, за исключением лишь восточных областей - (Левобережье) Украины и части Белоруссии, обвиняются во всех тяжких грехах советского периода.

3-й уровень проблем - внутрироссийский. Наибольшую остроту принимает комплекс вопросов, объединенный в блок - взаимоотношение Российской Федерации с бывшими республиками СССР за влияние на “контактные зоны”. Политический аспект проблемы - все более оформляющиеся (внешне и официально проявляющиеся очень редко) притязания России на русские территории, оставшиеся вне Российской Федерации. Под “русскими территориями” здесь понимаются земли не только с русскими или русскоязычным населением, но и те, которые в различные исторические периоды по тем или иным причинам интересовали Россию. В полной мере это относится и к Северному Кавказу - части пограничного региона. Здесь в частности во многом осложняет территориальный вопрос неуверенная политика России в отношении казачества. То, что многие, в том числе и дипломаты, выдают за политическую гибкость, является отсутствием политической перспективы.

4-й уровень проблем - региональный. В наибольшей мере привлекают внимание политиков и исследователей различные специальностей конфликтные ситуации (“межнациональные конфликты”), а точнее - формы их проявления, оставляя без внимания реальные причины их возникновения и их породившие. Наряду с социально-экономическими факторами, современную ситуацию на Северном Кавказе определяют и культурные особенности этого многонационального региона.

Решающее значение для понимание региональных проблем имеет этническая история Северного Кавказа последних столетий. В это время здесь сложились две большие группы народов, различающихся между собой по всем параметрам политического, социального и экономического обустройства своих обществ. Первая группа - это местные, издавна живущие на Северном Кавказе народы. При известном сходстве культурных общекавказских традиций, она не представляет этнического единства. Скорее наоборот - являет собой пеструю мозаику народов, говорящих на многих, чаще непонятных друг другу языках.

Лингвистическая пестрота дополняется разностью хозяйственных и религиозных традиций. Ислам стал господствующей религией в этом регионе сравнительно недавно и влияние традиционных религиозных систем достаточно заметно. В той же Северной Осетии часть осетин продолжает исповедовать христианство, а у населения других республик большое значение в духовной жизни занимают доисламские верования.

Другую группу составляют славянские народы, основной массив которых сложился к концу XIX в.

Начало этому процессу положило Донское казачество, затем было создано Кубанское казачье войско и последними по времени стали терские казаки. Вокруг этих военизированных образований группировалось русское и украинское население, которое и в социальном и в экономическом плане было достаточно неодинаковым.

Политические границы на Северном Кавказе во многом были определены этническими. Этим же обстоятельством были определены и современные административные границы. Довольно часто административные границы совпадают с хозяйственными.

В такой группировке населения уже были заложены трудноразрешимые проблемы. Первая - уровень этнической консолидации северокавказских народов. Объединительными системами для них служат язык, совместное расселение и родственные связи. Ни политических, ни экономических, как первопричины первых, связей, на Северном Кавказе нет. Говорить о здешних народах как о сформировавшихся нациях преждевременно. Превалируют регионально-клановые связи и в "межнациональных" контактах. Государственности как формы объединения социумов северокавказские народы не знали.

Совершенно иную политическую структуру представляло казачество. Помимо того, что оно вместе с другими русскими было составной частью государства, казачество внутри этой государственности было социально более организовано, чем жители неказачьих поселений. Казачья структура была идеальной формой пограничной (т.е. внутригосударственной) охраны против горцев. Она создавала соотношение сил на границе в пользу государства и обеспечивала условия, в той же воинственной Чечне,

для экономического и социального переустройства северокавказского общества без резких колебаний политической конъюнктуры.

В период становления Советской власти и после ее упрочения на Северном Кавказе были проведены политические границы, которые далеко не в полной мере учитывали реальную картину расселения и начавшие складываться экономические связи. В состав автономных республик были включены и районы с преимущественно русским населением. Значительная часть русского населения принадлежала к казачьему сословию и после революции была в положении если не врагов народа, то "полуврагов". В конкретных условиях СССР "полуврагами" становилось и остальное русское население, ибо сталинская пропаганда всячески оберегала "забитые народы окраин". Видимое "межнациональное" благополучие сохранялось до обострения общего социально-экономического положения в стране. Как только ситуация начала меняться в худшую сторону, северокавказский регион первый "высказал несогласие" в экстремальной форме.

Проведение национальных границ разрушило устоявшиеся здесь экономические связи и структуры (соседи между собой общались через Москву и во всех бедах была виновата Первопрестольная), внутренние и внешние по отношению к Северному Кавказу промышленные связи. Республиканские границы, вопреки надеждам политиков и к восторгу очень большой части национальной интеллигенции, сыграли роль катализаторов социальной напряженности. Примером могут служить, помимо осетино-ингушских столкновений, противостояние армян и азербайджанцев в Карабахе. Те же народы живут в

мире без “автономий” в восточной части Грузии. Благодаря “автономии” местный территориальный конфликт враждующих группировок перерос в межнациональную войну. Осетины вне Юго-Осетинской АО жили спокойно в грузинской среде. Примеры можно продолжать долго. Структура Союза была построена вопреки здравому смыслу и без учета главного фактора - экономики. Российская Федерация не учла ошибок прошлого и начала “все с начала”. “Самостоятельной” в каждой северокавказской республике была и остается только помидорно-картофельная огородная экономика, основанная на ручном труде горцев. Сколько-нибудь заметное зерновое хозяйство или выращивание технических культур - удел сельскохозяйственного производства другого этноса - русского или украинского. Только в редких крупных зерновых хозяйствах заметное место в производстве хлеба занимают местные северокавказские народы.

Существующая статистика по экономике сельского хозяйства Северного Кавказа чрезвычайно противоречива и может быть использована для анализа ситуации только в обобщенном виде. При этом нигде нет дифференцированных данных по мелкотоварному, приусадебному производству и по колхозно-совхозному. В целом, в 1989 году сельскохозяйственное производство северокавказских республик выглядело следующим образом (см. Приложение, табл. № 1).

Наиболее благополучным предстает сельскохозяйственное производство в Ставропольском крае. И по эффективности капиталовложений и по уровню рентабельности. На том же уровне эффективности стоит и сельское хозяйство Краснодарского края. Ставрополью

оно уступает только по рентабельности. Очевидно, и сельское хозяйство автономий (используемые материалы не выделяют отдельной графой автономные области), расположенных на территории этих краев, так же достаточно эффективно.

Что же касается сельскохозяйственного производства остальных административных образований, то оно находится на чрезвычайно низком уровне. Понижение уровня эффективности сельского хозяйства идет с запада на восток (с “Севера” на “Юг”). Понижение уровня эффективности сельского хозяйства сопровождается ростом социальной напряженности. Особенно тяжелое положение в Дагестане, хотя потенциально эта территория могла бы иметь чрезвычайно прибыльное сельскохозяйственное производство. По мнению специалистов, только квалифицированное возделывание винограда в прикаспийских районах дало бы возможность Дагестану обеспечить себя полностью продовольствием. Тем не менее, в настоящее время эта отрасль земледелия находится на положении пасынка.

В таблице № 2 (см. Приложение) приведены основные суммарные показатели сельскохозяйственного производства национально-административных образований Северо-Кавказского экономического района (СКЭР). Из пяти национальных субъектов федерации, где производство продовольствия не достигает необходимого уровня (минимума) в 3000 к/кал в день на человека, три - Чечня, Ингушетия и Дагестан - приходятся на Северо-Кавказский экономический район. В целом за счет других административных образований этот дефицит покрывается, казалось бы, полностью. Тем не менее, исключая

Адыгею, все остальные республики считаются дотационными. Наиболее сложное положение в восточной части Северного Кавказа. Ни Чечня, ни Ингушетия, ни Дагестан даже по официальной статистике не могут существовать без посторонней помощи в продовольственном обеспечении своих жителей.

Статистический материал, на котором базируются все аналитические исследования по сельскому хозяйству Северного Кавказа, не имеет никакого отношения к нерусскому населению региона. До недавнего времени в крупном сельскохозяйственном производстве нерусское население занимало ничтожно малое место. В последние годы, в связи с быстрым ростом численности местного нерусского населения и его перемещения в казачьи станицы, значение славяноязычных групп заметно снизилось, равно как и производство товарного зерна. Основу же сельской экономики нерусского населения составляет мелкотоварное производство, нефиксируемое государственной статистикой.

Большое разнообразие природных условий Северного Кавказа не могло не сказаться на образе жизни местного населения. В последнее время исследователи различных сторон жизни общества все больше внимания стали уделять географическим условиям, в которых живут народы. Пренебрежительное отношение к географическому фактору, а точнее к окружающей среде, привело население Северного Кавказа на грань экологической катастрофы, во-первых, и к неправильной оценке уровней развития тех или иных человеческих сообществ, во-вторых. Гармоничные взаимоотношения человека и природы, когда люди с большой осторожностью относятся к окружающей среде, расцениваются как

дикость. Под благими лозунгами "цивилизации отсталых народов" разрушалась гармония и насаждалось варварство по отношению к природе и, как следствие, к людям.

Неодинаковость природных условий Северного Кавказа - от открытых с севера степей и предгорий с их прекрасными горными долинами до труднодоступных горных ущелий, определило и разнообразие хозяйственной деятельности населения. За многовековую историю народы Северного Кавказа хорошо приспособили свое хозяйство к местным условиям. Они создали два типа земледелия - горное и равнинное. Первое, в сочетании со скотоводством, являлось и является по настоящее время основой существования жителей горных долин и высокогорий. В большей мере оно характерно для восточной части Северного Кавказа - Ингушетии, Чечни и Дагестана. При земледельческих работах здесь велика доля традиционных приемов обработки почвы, ручного труда и очень ограничены возможности использования техники на полях, расположенных на довольно крутых горных склонах. Во второй половине нашего столетия в горных районах Северного Кавказа зерновые культуры (исключая кукурузу), уступили пальму первенства садоводству, огородничеству и выращиванию технических культур. В очень большой мере хозяйство стало ориентироваться на рынок и в меньшей - на семейное потребление. Мелкотоварное производство на приусадебных участках заняло ведущее положение. В западной части Северного Кавказа огородничество, в частности выращивание помидоров, стало очень прибыльным бизнесом. Столь же прибыльна монокультура - белокочанная капуста - у лезгин (Дагестан), которую они поставля-

ют на рынки Баку и других городов Азербайджана.

Что же касается равнинной части Северного Кавказа, то здесь уже с конца прошлого века, как отмечалось, развивалось крупное товарное производство зерна, а в сухих степях (Ставрополье) - товарное овцеводство. В советское время на равнинной части региона широко применялась сельскохозяйственная техника. Механизирована и обработка сельскохозяйственной продукции. На равнине расположены крупнейшие города Северного Кавказа с индустриальными предприятиями и абсолютное большинство переселенцев. Индустриальное развитие инфраструктуры "плоскости" значительно превосходит аналогичную в горах. Именно последнее обстоятельство определило различия между жизненным укладом горцев и жителей предгорных равнин - русских и украинцев. При этом этнические различия отступают на второй план, т.к. способ добывания материальных благ у горцев, говорящих на разных языках имеет больше общих черт, нежели чем у их соплеменников, но живущих в других географических зонах.

Разница проявляется в уровне и в характере занятости самодеятельного населения. В горах, где сколько-нибудь большие предприятия добывающей промышленности составляют скорее исключение, чем правило, только очень небольшая часть населения занята в бывшем государственном секторе экономики - работает в совхозах, колхозах и на промышленных предприятиях (см Приложение, табл. № 3). Для большинства жителей гор мелкотоварное производство, ориентированное на базар, является основным источником существования. Здесь важно

то, что производимый продукт не потребляется в семье. Продовольствие для семейного потребления приобретается на том же базаре, но привезено оно из других регионов. Специализация производителей на монокультуре делает их зависимыми от производителей, прежде всего, товарного зерна.

В мелкотоварном производстве увеличение продукции (до определенных пределов) возможно только за счет некоторого улучшения сортов огородных культур и повышения интенсивности ручного труда. Последняя складывается из освоения новых технологических приемов обработки почвы, использования удобрений и увеличения числа реальных человеческих рук. Кроме перечисленных, есть еще один резерв, который существует только в теории - это увеличение размеров земельных наделов. На использование этого резерва, как показывает практика, рассчитывать нельзя. Его просто на Северном Кавказе нет.

Что же касается населения плоскостной части региона, то здесь положение заметно лучше, хотя далеко от удовлетворительного. Механизация сельскохозяйственных работ высвободила большое количество рабочей силы, которую только частично поглотила индустрия. Тем не менее, очень большая часть населения плоскости занята мелкотоварным производством, полностью повторяющим горный вариант.

Помимо земледелия, и в горной и в плоскостной частях Северного Кавказа, большое место в хозяйстве сельских жителей занимает скотоводство. В этом регионе стойловое содержание личного скота возможно в небольших размерах. Плотность населения очень высока и необработанных (нерас-

паханных) земель вокруг селений очень немного. Это заставляет жителей Северного Кавказа содержать скот большую часть года (в основном овец и коз) на горных или степных отгонных пастбищах. Здесь интенсификация производства возможна за счет увеличения нагрузок на пастбища, т.е. увеличения количества голов на единицу площади пастбища. Для каждого района, даже для каждой долины, эти нормы свои, порой достаточно высокие, но и для них есть предел. Северокавказские пастбища перегружены уже много десятилетий и по-существу большинство из них давно разрушены.

К сожалению, подавляющее большинство местных жителей слабо себе представляют последствия такой системы ведения хозяйства. Например, уже упомянутые жители Южного Дагестана (Ахтынский район) абсолютно уверены в том, что непрерывное многолетнее выращивание на одних и тех же площадях белокачанной капусты естественно и закономерно. Понижается урожайность - добавим химических удобрений. Нормы внесения удобрений в почву далеки от научно обоснованных. Чем больше, тем выше урожай, тем сытее будет народ. О том, что земля живой организм - просто не думают. Не думают о том, что монокультура разрушает генофонд почвы. Бактерии, населяющие почву и чистящие ее, не выдерживают избыток одних и недостаток других химических элементов, гибнут, развиваются болезнетворные микробы. Рано или поздно наступает на монокультуру эпидемия и хозяин вынужден усиливать химическую обработку почвы и растений. Ухудшается качество продукции и одновременно увеличиваются затраты на ее производство. Как результат всего этого - рост цен на рын-

ках. Производитель покрывает свои расходы за счет покупателя. Люди платят за такую систему хозяйствования не только деньгами, но и здоровьем. В первую очередь здоровьем детей. Детская смертность в регионе намного превысила 20 промилей. Увеличение медицинского персонала ложится дополнительным грузом на бюджет России. Вести интенсивное, продуктивное, экологически чистое хозяйство с монокультурой на крайне небольших участках земли, как показывает практика - невозможно. Через какое-то время земля перестает плодоносить.

Не лучше обстоит дело со скотоводством. Его интенсификация за счет увеличения плотности выпаса животных на пастбищах не зависимо от того, где эти пастбища расположены - в горах или в степи - ведет к их деградации и полному разрушению. В степи это "черные земли" как в Калмыкии, в горах - оползни, как, например, в Ингушетии. Особую опасность для горных пастбищ представляют козы. Ангорская порода этих животных все больше и больше разводится на Северном Кавказе. Козы уничтожают кустарники и молодые деревья, выдергивают растения (траву) с корнем и копытами разрушают почву. Это ведет к нарушению гидрологического режима, следствием чего является обезлесение гор, оползни и высыхание пастбищ. Даже простая погрыва пастбищ чрезмерным выпасом животных требует несколько восстановительных лет отдыха пастбищ, а оползневые и селевые склоны вообще исключают из земельного фонда большие площади. Что остается делать скотоводам? - увеличивать с описанными выше последствиями нагрузку на пастбища или менять род занятий. Последнее исключается, т.к. ангорская

коза в последние два десятилетия дала работу тысячам женщин. Изделия из пуха этих коз являются серьезнейшим подспорьем в бюджет семей "горцев" многих национальностей. Пуховой промысел дает рабочие места, которые в современных условиях являются наиважнейшим средством снятия специального напряжения на Северном Кавказе.

Одной из главных составляющих социального напряжения на Северном Кавказе является демографическая ситуация. Непреложным остается факт бурного роста численности населения целого ряда национальных регионов Союза. В числе таких территорий и Северный Кавказ, где численность коренного населения с 1940 г. по наши дни увеличилась в два с лишним раза (см. Приложение, табл. № 4). Это значит, что за жизнь одного поколения стало в два раза больше хозяйств, в которых должно производиться в два раза больше продукции, в два раза больше надо школ, больниц и т.д. Но самое главное - должно в два раза увеличиться количество обрабатываемой земли и рабочих мест на производстве. Ясно, что этого сделать невозможно. Общество нашло выход в отходничестве. В разных регионах (республиках) Северного Кавказа отходничество развивалось по-своему, но результат был одинаково трагичен. Общественный труд отходников оставался вне территории северокавказских республик. Само явление исследовано еще недостаточно подробно, но результаты его очевидны.

Отходник, как правило, не владеет индустриальной специальностью. Наиболее характерны для него традиционные строительные навыки, часто достаточно высокие,

и профессия чабана. Сложилась парадоксальная ситуация, которую пришлось наблюдать в одном из райцентров Дагестана. Большое число мужчин из этого района ежегодно уходило летом на заработки строителями в центральные области РСФСР и в Среднеазиатские республики. В то же время клуб в этом райцентре Дагестана строила бригада из Горьковской области - приезжие строители монтировали водяное отопление и вели отделочные работы. Условия оплаты и тех и других отходников были примерно одинаковыми. Своих рабочих в этом дагестанском районе, которые могли бы выполнить нужную работу, не оказалось.

Ненормальность и порочность такой системы проявляется многогранно. Никакие большие заработки "в отходе" не компенсируют утрат, а их много. Здесь и отрыв от семьи. Дети по полгода, а то и больше не видят отцов. Если же уезжает вся семья, то дико выглядят красивые двухэтажные, из белого камня дома, в которых никто не живет. "В отходе" люди живут в непривычной и, как правило, нерегулируемой социокультурной среде, т.к. свои обычаи остались дома, а местные нормы поведения - чужие. Нормы поведения, которые регулируются обычным правом, на стороне не действуют и инородная среда их не признает. Не последнее место в негативных последствиях отходничества занимает физическое перенапряжение. Еще сложнее положение семей отходников. Прежде всего это касается чабанов. Неустроенность быта еще можно как-то скрасить, но вот отсутствие школ вообще, как и преподавание на родном языке, заменить ничем нельзя. Дети не знают норм поведения в детских коллективах, они не знают своего дома и,

что особенно тревожно, эти дети не знают своего народа. Их становление как личностей происходит вне общества и у них не вырабатывается чувство общественного долга. Нет примеров альтернативы родительскому поведению. Адаптация в своем народе у таких детей очень болезненна и часто дает уродливые формы. Чечня тому пример. Не исключено, что мы сейчас почувствовали еще далеко не все отрицательные последствия отходничества у народов Северного Кавказа.

Отсутствие рабочих мест гонит наиболее дееспособную часть населения, например, Чечни, далеко на север и на восток - в Казахстан. Конечно, это не единственная причина миграции, но основная. Попадая в новые условия, переселенцы очень редко сколько-нибудь удовлетворительно адаптируются в новых условиях. Дети, как правило, не зная русского языка, плохо усваивают школьные программы, и у них развивается комплекс неполноценности, который выражается в повышенной нервозности и агрессивности.

Как правило, в отходе взрослые работают на тяжелых, не требующих сколько-нибудь высокой квалификации, работах. Возвращаясь на родину, они далеко не всегда и не везде могут применить полученные навыки. Что же касается адаптации детей к условиям родины, то внешне она проходит проще, но не легче. Появляется та же языковая проблема, особенно если ребенок прожил с родителями два-три года. Он не всегда говорит на родном языке без акцента. В большой мере, как показывают наблюдения, осложнена поведенческая адаптация. Плохое знание норм общественного поведения в традиционном варианте ставит ре-

бенка часто в затруднительное положение.

Такие ситуации опасны тем, что разрушают культурные ценности вообще в сознании подрастающего поколения. Ни "Север", ни "Юг" им не понятны. Это путь к манкуртизации общества, что мы уже и наблюдаем. Неизбежны здесь и межнациональные осложнения. Этническая бинарность в каждой из Северо-Кавказских республик постоянно дает пищу для противопоставления "мы" и "они". К сожалению, социальные последствия особенностей экономической структуры Северо-Кавказского экономического района мало учитываются федеральными властями. Практически совсем не учитывают экономический фактор в социальной политике традиционные структуры - роль старейшин тайпов, тухумов и им подобных единиц.

На этом негативные последствия такого образа жизни для социально-экономической ситуации Северо-Кавказского района не кончаются. Трансформация отходничества и, прежде всего, его чеченского варианта, создала благоприятные условия для его перерождения в криминальные структуры как за границей Чечни, так и на ее территории. В первом случае "чеченская мафия" занята выкачиванием денег из общероссийского кармана и помещением этих средств в различные "отмывательные" финансовые структуры. Основным источником получения этих достаточно больших сумм служит любой вид торговой деятельности, рэкет, торговля наркотиками и обыкновенный грабёж. За последние четверть века произошло резкое изменение менталитета мужчины - горца. Если раньше занятие торговлей и какой-либо другой экономической деятельностью считалось позорным делом, то теперь "коммерция"

или бизнес почитаются за доблесть мужчины. При этом понятие “налоговая дисциплина” напрочь отсутствует в лексиконе “предпринимателей”. Иностранные наблюдатели, посетившие Чечню в связи с последними событиями, были шокированы богатством и самих домов в чеченских селениях и их внутренним обустройством.

Что же касается деятельности криминализированной части (т.е. не занятой в бизнесе) части отходников внутри Чечни, она занята охраной традиционного образа жизни и находящегося на территории республики “добра”. Именно эта часть чеченского общества, не занятая в общественном производстве, составляла основу дудаевских воинских образований.

В других Северо-Кавказских республиках подобные процессы не выражены столь ярко, как в Чечне. Кризисные явления еще не достигли там чеченского уровня. В настоящее время Чечня превратилась в современный аналог пиратских республик XVII-XVIII вв. Карибского моря. Они были очень богатыми, но ничего не производили. Богатство Чечни создано принципиально тем же способом, что и богатство флибустьеров. На них, пиратов, работало местное островное население, которое в социальном плане ничего не значило. В положении “местного населения” на Северном Кавказе находится русское население. В Чечне это проявлялось задолго до последних событий, но союзное, а тем более республиканское, правительство на неоднократные предупреждения о неблагополучии ситуации внимания не обращало. В других республиках “межнациональные” процессы проходят в скрытой, латентной форме, но от этого они безопасней не становятся.

Промышленное индустриальное производство на Северном Кавказе никакого отношения к нерусскому населению не имеет. Только в Северной Осетии нерусская прослойка в индустриальном рабочем классе сколько-нибудь заметна, хотя и составляет не больше 20% от общего числа рабочих и специалистов. В остальных республиках количество “национальных” индустриальных рабочих еще меньше.

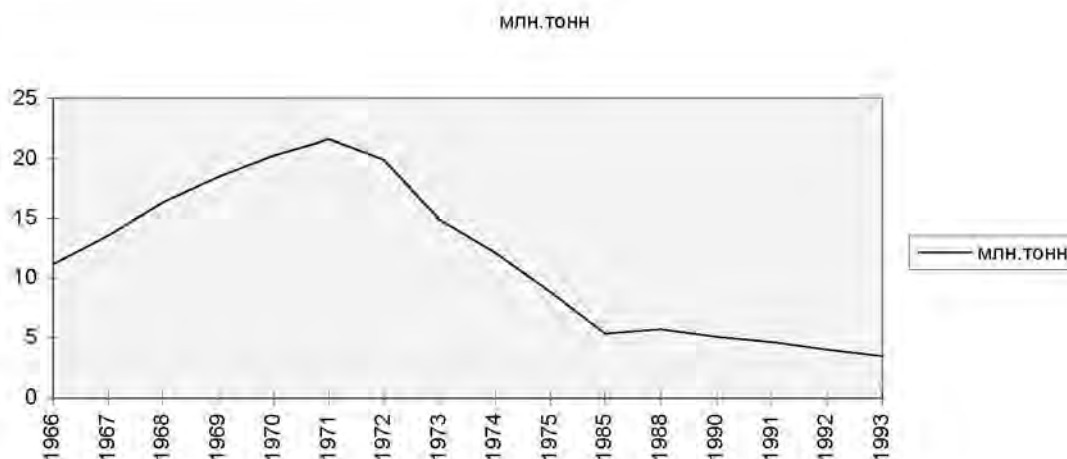
Говорить о влиянии предприятий промышленного производства на жизнь Северо-Кавказских народов можно лишь с позиций их общероссийской и общесоюзной рентабельности (и необходимости!). Все сводилось к размерам отчислений в бюджеты республик от доходов промышленности, выраженных в рублях. “Кавказские горцы” получали ренту за эксплуатацию их недр и за использование их земли под промышленные постройки. Функционирование предприятий - от материально-технического снабжения и энергетического обеспечения до подготовки кадров и планового задания - направлялось из Москвы. В статистических публикациях материала для анализа работы промышленных предприятий Нальчика, Владикавказа, Махачкалы и Грозного явно недостаточно. Документы, дающие возможность оценить экономическую значимость промышленности Северного Кавказа, находятся в закрытых архивных фондах. О современном положении индустриальных производств Северного Кавказа можно сказать лишь то, что оно переживает те же трудности, что и промышленность остальной России. Выход из этого состояния для каждого региона индивидуален.

Особого внимания заслуживает нефтяная промышленность на тер-

ритории Чечни. В СССР сколько-нибудь детализированные материалы о добыче и переработке нефти были закрыты. На основании имеющихся сведений можно скорее составить ряд вопросов, ответы на которые только позволят подойти собственно к постановке проблемы - что такое добыча и переработка нефти на территории Чечни.

Запасы нефти вполне компетентными специалистами оцени-

ваются не более 300 млн. тонн. На основе имеющихся производственных мощностей и разработанных технологий добычи, республика ежегодно может добывать не более 3,5-4 млн. тонн. В "лучшие" годы, когда разрабатывались наиболее богатые промыслы, в Чечне можно было получать не более 10 млн. тонн нефти в год. Тем не менее, приводимый график дает иную картину.

Уже в 1966 году добыча нефти "достигла" 11,4 млн. тонн в год и продолжала расти, достигнув пика почти в 22 млн. тонн в 1971 году. В последующую пятилетку добыча резко упала и уже в 1975 году составляла 8,7 млн. тонн. В отношении последующего десятилетия - 1975-85 гг. сведения отсутствуют. Можно лишь предполагать, что общая тенденция сокращения добычи продолжалась. В 1985 году в Чечне было добыто около 5,4 млн. тонн, к 1988 г. добыча несколько возросла (5,8 млн. тонн) и начался спад. В 1993 году было добыто всего 3,54 млн. тонн. Специалисты оценивают эту цифру как реальную в течение ближайших 4-5 лет. Дело заключается в том, что геологические условия залегания неф-

теносных слоев чрезвычайно неблагоприятны и увеличение добычи потребует применения новых технологий и, как следствие, очень больших капиталовложений и времени. Оспаривается экономическая целесообразность какой-либо модернизации промыслов в настоящее время.

Из бесед со специалистами стало ясно, что такого количества нефти, которое отмечено на графике за период с 1966 по 1975 гг. Чечня никогда не добывала и добыть не могла. Возможно, здесь отмечено статистикой не столько добыча, сколько количество переработанной на Грозненском комплексе нефти. Примечательно и другое - в средствах массовой информации за последний десяток

лет ни разу не было упоминания о кризисе добычи нефти в Чечне и неполной загрузки Грозненского комплекса. Во всяком случае в 1985 году во время разговоров в Чеченском обкоме КПСС и с руководством республики с учеными о недостатке сырья для нефтеперегонных заводов не было сказано ни слова. О том, что этот сюжет в хозяйстве республики не случайно запутан, свидетельствует и выступление по российскому телевидению (начало мая 1995 г.) заведующего одним из отделов администрации Президента. В ответах на вопросы он отметил, что криминализация чеченского общества во многом основана на нефти. В этой связи возникает вопрос - каким образом и с чьего ведома и разрешения на грозненский комплекс для переработки поступало не менее 15 млн. тонн нефти с Нижневолжского месторождения (другого источника просто нет) после заявления Дудаева о выходе Чечни из состава России? Куда и кому шли продукты переработки этой нефти через терминалы Новороссийска и Туапсе? В Россию, судя по всему, они не поступали (!?).

Примечательно и другое. Если верить свидетельствам средств массовой информации, Грозненские нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий комплексы во время боевых действий практически не пострадали. Ни та, ни другая сторона разрушать их не собирались. Случайность это или заранее спланированная акция сохранения наиболее важного объекта - по доступной информации сказать нельзя. Во всяком случае боевых действий на территории всех заводов информационными агентствами и военными не отмечено.

Здесь же уместен и другой вопрос - насколько все имеющиеся в

открытой печати статистические материалы отражают реальное состояние Северо-Кавказского экономического района? Если верить этим материалам, то только три республики - Дагестан, Чечня и Ингушетия нуждаются в продовольственной дотации. При этом Ингушетию, в связи с относительно небольшой численностью ее населения, можно и не принимать во внимание. В абсолютном выражении количество условных единиц к/калорий, недостающих Ингушетии, ничтожно мало - всего 50 с небольшим условных единиц. Северный Кавказ может самостоятельно, без дотаций Центра, покрыть этот дефицит.

Это же недоумение вызывает и общероссийская статистика. Она дает двойное, по отношению к максимальному потреблению, производство продовольствия (см. Приложение, табл. № 5, 6). Какова в этом случае причина громадного импорта продовольствия в Российскую Федерацию?

Подводя итоги рассмотрению социально-экономической ситуации Северо-Кавказского региона можно констатировать: экономики в каждой отдельной республике нет. Нет замкнутой, саморегулирующейся экономической структуры, способной к самообеспечению своего социума. Есть хозяйство населения, занятого самообеспечением на низшем, семейном уровне. Этот уровень является составной частью "базарной", но не рыночной системы. Поэтому использование термина "экономика" весьма условно и применительно к Северо-Кавказским республикам является синонимом слова "хозяйство".

Социальные процессы, что особенно остро проявилось в Чечне, направлены в основном на вытес-

нение русского и русскоязычного населения с мест его проживания. Идет активный процесс “национализации” казачьих станиц и городов. Это отрицательно сказывается (или скажется в ближайшем будущем) на состоянии промышленности и сельского хозяйства Северо-Кавказского экономического района. Усиливается система: русский рабочий класс - “кавказское” или “горское” руководство. Руководители казачества объективно этому процессу способствует, борясь против “опромышленивания” сельского казачьего населения.

Реально проявился примат национализма над русским интернационализмом как результат безнаказанности и вседозволенности общественного и хозяйственного поведения “обиженных” народов, в число которых федерация горских народов фактически включает всех “кавказцев”. Сепаратистский потенциал Северного Кавказа из-за отсутствия взаимосвязанных экономических структур достаточно велик.

Социально-экономическая структура всего Северного Кавказа, а Чечни и Дагестана в особенности, должна квалифицироваться как догосударственная. Это избалованное дотациями общество. Ислам в этой ситуации в большей мере является формой социальной организации общества и только во вторую очередь - идеологией. До сих пор только генерал Дудаев в Чечне претендовал на роль нового северо-кавказского имама. Это попытка современного Шамиля создать свою теократию фашистского толка. Его поведение в экономической сфере продемонстрировало большие финансовые возможности президента Чечни. Чечня не испытывает недостатка ни в деньгах (отходники!), ни в оружии, ни в наркотиках. В последние годы правле-

ния генерала Дудаева наркобизнес стал весьма заметным подспорьем в получении дополнительных финансовых средств. Отсюда вывод - не ответив на вопрос, откуда генерал Дудаев и его преемники черпали деньги, нельзя принять реальные меры по эффективному прекращению насилия и налаживанию хозяйственной деятельности на территории Чечни да и всего Северного Кавказа.

Перспективы развития Северо-Кавказского региона целиком зависят от политики федеральных властей. Возможные варианты определяются одним условием - жестким законодательством, делающим невозможным расползание криминальных структур за пределы Северного Кавказа и их слияния с общероссийскими. Даже при полном господстве криминальных структур северо-кавказского общества над такими гигантами, как Грозненский нефтяной комплекс и Элетроцинк (Владикавказ) и более мелкими индустриальными производствами, его недостаточно для активного функционирования преступных объединений. Последние существуют за счет торгового, части промышленного и банковского капитала России, являясь составной частью криминального пространства не только СНГ, но и окружающих территорию бывшего СССР государств.

В качестве вариантов конкретных действий можно рассмотреть:

- Продумать возможность, на законных основаниях, введение особого (что не однозначно чрезвычайному) положения для какой-то части (в экстремальных ситуациях и для всего) Северного Кавказа, дающего правительству России право применять неординарные меры безопасности государства и *предотвращать* какие бы то ни было военные столкновения. Вой-

на на Кавказе может продолжаться непредсказуемо долго и она в любом случае будет преступной.

Очевидна необходимость направленной, неважно, федеральным ли правительством или местными властями, индустриализации экономики традиционалистской части северокавказского общества очевидна. Основой его составляющей должны стать небольшие, работающие на местном сырье, маломатериалоемкие, с максимально простыми технологиями, производства, максимально приближенные к жилью работников. Необходимо предусмотреть предприятия, где должны работать преимущественно женщины. Их социализацию необходимо развивать. В противном случае традиционализм будет тормозом в развитии местного общества.

Снятию напряжения на Северном Кавказе, несомненно, будет способствовать равноправие всех субъектов федерации. До тех пор, пока не будет в с е о б щ е г о ре-

ального равенства субъектов федерации, не будет и мира в России. Каждый должен есть с в о й хлеб.

Национализм, чем бы он ни прикрывался, является выражением на Северном Кавказе глобального противостояния “Север” - “Юг”. Если в Европе процесс “объюжания” происходит за счет официальной и нелегальной миграции из Африки (тот же Алжир), из Азии (Турция и Иран), то в Российской Федерации к ним добавляется и контактно-ползучий вариант. Россия заселяется и из-за Закавказья, из Средней Азии, из Украины, из Китая, из всего “ближнего” и “дальнего” зарубежья. Как правило, едут не производители, а по большому счету - потребители. Границы открыты. За счет России решается земельная проблема “Юга”. К сожалению этого не понимают власть имущие и если дальше будут себя так же вести в отношении “национальных” территорий, то “новая Чечня” не за горами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1.

Обеспеченность скотом и производство основных продуктов питания на душу населения в республиках Северного Кавказа, 1989 г.

Республики	Крупный и мелкий рогатый скот, лошади (усл. голов)	Сви- нии(фи- зич. голов)	Производство основных продуктов (кг, штук)				
			зерна (после доработки)	карто- феля	моло- ка	яиц	ово- щей (вал. сбор)
РСФСР (без Сев.Кавказа)	2,20	0,28	724,1	233,7	383,1	339,0	74,2
Карачаево-Черкесская АО	4,75	0,56	435,4	428,2	459,3	342,1	112,4
Кабардино-Балкарская АССР	2,55	0,20	724,6	181,8	378,2	238,9	136,7
Северо-Осетинская АССР	1,54	0,34	532,0	169,2	254,6	227,7	93,3
Чечено-Ингушская АССР	1,65	0,10	281,0	29,1	199,2	103,1	118,1
Дагестанская АССР	3,60	0,03	246,4	45,5	206,4	143,2	133,7

Таблица 2.

**Основные показатели хозяйственной деятельности колхозов и совхозов Северо-Кавказского экономического района *,
1981-1988 гг.**

	всего, млн. руб.		Валовая продукция					Энерго- обеспе- чен- ность л.с.	Энерго- воору- жен- ность л.с.	Фондо- воору- жен- ность т.руб.	Фондо- обес- печен- ность т.руб.	Зара- ботная плата руб.
	1981- 1985 гг.	1986- 1988 гг.	%	На 1 ра- ботника	На 100 руб. фондов	На 1 руб. затрат	На 100 га с/х угодий					
				руб.	руб.	руб.	т.руб.					
Краснодарский край	5822	6187	6	11676	64	1,04	105	333	26	18	178	202
Ставропольский край	3131	3609	15	10382	59	1,22	44	167	30	18	78	214
Ростовская область	3713	3983	6	9638	52	1,17	38	159	33	18	75	187
Дагестан	944	1017	8	3571	42	1,03	24	99	13	8	60	121
Кабардино-Балкария	497	553	11	7773	49	1,09	58	233	26	16	123	171
Северная Осетия	353	364	3	8488	48	1,07	66	174	20	17	141	190
Чечено-Ингушетия	554	589	6	5368	41	0,90	34	149	20	13	84	166

* не выделяя Карачаево-Черкессию, входившую на правах АО в Ставропольский край

Таблица 3.

**Индекс занятости населения
Северо-Кавказского экономического района на 1990 год**

Краснодарский край	0,342
Ставропольский край	0,367
Ростовская область	0,421
Адыгея	0,321
Дагестан	0,307
Кабардино-Балкария	0,330
Карачаево-Черкесия	0,346
Северная Осетия	0,339
Чечено-Ингушетия	0,276

Таблица 4.

Численность населения Северо-Кавказского экономического района

	1939 г.	1992 г.	% прироста
Краснодарский край	3170 тыс.	4797 тыс.	51,3
Ставропольский край	1866 тыс.	2536 тыс.	35,9
Ростовская обл.		4363 тыс.	
Адыгея	241,5 тыс.	442 тыс.	83
Дагестан	930 тыс.	1890 тыс.	103,2
Кабардино-Балкария	359 тыс.	784 тыс.	118,2
Карачаево-Черкесия	86,3 тыс.	431 тыс.	399,4
Северная Осетия	329 тыс.	695 тыс.	111,2
Чечено-Ингушетия	451,8 тыс.	1308 тыс.	189,5

Таблица 5.

Производство биомассы в СССР на 1988 г.

	Показатель этничности территории	Показатель использова- ния земли	Производств о к/калорий на человека в день	Производство биомассы в УСЕД* (миллион)	Излишек и недостаток биомассы в УСЕД (миллион)	в %	Уровень социальной напряжен- ности региона	Доля в общем производстве биомассы в %
Россия	4,4	б/н- 0,14** с/н- 0,07	5855,5	279025,5	+ 135935,5	+95	0,5	51,7
Украина	2,66	0,63	8207,5	137268,0	+86428	+170	0,4	25,4
Белоруссия	3,87	0,3	8233,9	26843,9	+16901	+170	0,3	5
Казахстан	0,6	0,15	8392,9	44357,9	+28515	+180	0,5	8,2
Литва	3,9	0,3	8677,7	10353,0	+6783	+190	0,2	
Молдавия	1,8	0,5	6882,1	9455,3	+5344,3	+130	0,4	
Узбекистан	2,49	0,1	1374,1	8268,0	-9706	-54	0,6	
Латвия	1,09	0,3	6416,5	5468,4	+2864,4	+110	0,3	
Киргизия	1,1	0,07	3339,6	4363,7	+396,7	+10	0,6	
Эстония	1,6	0,19	6935,7	3519,0	+1989	+130	0,2	
Азербайджан	4,8	0,21	1603,6	3505,4	-3108,6	-47	0,6	
Грузия	2,3	0,13	1600,0	2756,4	-2444,5	-47	0,6	
Таджикистан	1,65	0,05	1201,0	1799,6	-2699,4	-60	0,6	
Туркмения	2,6	0,02	1495,2	1594,5	-1594,5	-50	0,6	
Армения	13,9	0,14	1153,3	1260,5	-2056,5	-62	0,6	

* УСЕД - условные единицы биомассы (продовольствия, подсчитанного в калориях), необходимая для нормального функционирования человеческого организма в течение года.

** б/н - без национальных образований

с/н - с национальными образованиями

Общие потребности СССР в биомассе (при условии 3100 к/кал чел/день - 262436 УСЕД

Всего произведено - 539837 УСЕД; Избыток - 263547 УСЕД или 10064%

Доля Среднеазиатско-Кавказской макрзоны равна: Кавказ обеспечивает 24,13% потребления

Средняя Азия - 48,83%

Таблица 6.

Производство биомассы (продовольствия) в национальных образованиях /без национальных округов/ России в 1992 г.

Национальные образования	Необходимо УСЕД (в мл.)	Производство УСЕД (мл.)	“Излишек” или “недобор” УСЕД		Уровни социального напряжения (в баллах)
			кол-во	%	
Р О С С И Я	143090	279025,5	+135935,5	+48,7	0,6
Бурятия	1000	1240	+240	+24	0,6
Горный Алтай	179	200,5	+21,5	+12	0,4
Еврейская а.о.	207	281,5	+74,5	+36	0,9
Тува	179	301,3	+22,3	+8	0,9
Калмыкия	320	217,6	-102,4	-32	0,7
Башкирия	3858	8101,8	+4243,8	+110	0,7
Мордовия	966	2994,6	+2028,6	+210	0,7
Мари-Эл	725	1377,5	+652,5	+90	0,5
Татария	3513	7377,3	+3864,3	+110	0,6
Удмуртия	1560	2121,6	+561,6	+36	0,5
Карелия*	780	218,4	-562	-72	0,4
Коми*	1213	315,4	-897,6	-74	0,7
Чувашия	1316	2346,5	+1030,5	+78	0,5
Якутия	984	954,5	-29,5	-3	0,9
Хакасия	540	1015,2	+475,2	+88	0,3
Адыгея	422	898,9	+476,9	+113	0,4
Карачаево-Черкесия	390	612,3	+222,3	+57	0,4
Кабардино-Балкария	715	138761	+672,1	+94	0,7
Северная Осетия	612	899,6	+287,6	+47	0,8
Чечено-Ингушетия	1213	970,4	-242,6	-20	0,8
Дагестан	1737	1302,8	-434,2	-25	1,0

УСЕД - условная единица биомассы (продовольствия, подсчитанного в калориях), необходимая для нормального функционирования человеческого организма в течение года.

* - несельхоз. территории.